

12. De Dycker S. Good governance in Sport: comparative law aspects // The International Sports Law Journal. 2019. № 19. P. 116–128.
13. Kruessmann T. Extending integrity to third parties: in search of a new model for anti-corruption in sports // The International Sports Law Journal. 2019. № 18. С. 136–149.
14. Вулах М. Г. Роль и пределы государственного регулирования в сфере физической культуры и спорта // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2009. № 70. С. 74–80.
15. Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В. Соотношение частного и публичного начал в регулировании физкультурно-спортивных отношений // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 3. С. 251–258.
16. Близневский А. Ю. Оптимизация структуры регионального управленческого органа физкультурно-спортивной отрасли в Красноярском крае // Ученые записки: научно-теоретический журнал. 2014. № 6 (112). С. 34–41.
17. Беленов В. Н., Серпер С. А. Специфика развития региональной физической культуры и спорта (на примере городского округа Сызрань в 2010–2016 гг.) // Поволжский педагогический вестник. 2016. № 1 (10). С. 80–84.
18. Енченко И. В. Анализ развития физической культуры и спорта в Республике Крым // Крымский научный вестник. 2018. № 2 (19). С. 26–33.

УДК 343.791

ББК 67.408

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА ПРИНУЖДЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ СДЕЛКИ ИЛИ ОТКАЗУ В ЕЕ СОВЕРШЕНИИ (СТ. 179 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ)

А. А. Коренная

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Реформирование российского уголовного права — объективная потребность, обусловленная целым рядом объективных факторов. Этот процесс является крайне сложным, требующим глубокого анализа действующего законодательства, практики его применения, а также положения доктрины уголовного права. Длительное время в основе российского законодательства во многом лежали конструкции, заимствованные из зарубежных кодексов и законов. В настоящее время Россия имеет собственный, значительный опыт законотворчества и правоприменения. На первоначальном этапе совершенствования уголовного закона необходимо выстроить его систему, которая определит модель уголовно-правовой охраны тех или иных общественных отношений. В основу структуры нового уголовного закона необходимо положить четко сформулированные составы преступлений на основе анализа признаков объекта преступного посягательства. Именно объект преступления является традиционной основой российского уголовного права. В настоящей работе автор изучает объект принуждения к совершению сделки и на основе изученного теоретического и практического материала приходит к выводу, что общественные отношения, охраняемые ст. 179 Уголовного кодекса РФ, не ограничиваются исключительно экономической деятельностью, а могут возникать и в иных сферах, в том числе личных, семейных отношениях. Следует вывод о необходимости формулирования ответственности за принуждение к совершению сделки в иных главах уголовного закона.

Ключевые слова: принуждение, сделка, уголовная ответственность, объект преступления.

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR DETERMINING THE OBJECT OF COERCION TO COMMIT A TRANSACTION OR REFUSAL TO COMMIT IT (ARTICLE 179 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

A. Korennaya

Altai State University (Barnaul, Russia)

The reform of Russian criminal law is an objective need due to a number of objective factors. This process is obviously extremely complex, requiring a deep analysis of the current legislation, the practice of its application, as well as the position of the doctrine of criminal law. For a long time, Russian legislation was largely based on constructions borrowed from foreign codes and laws. Currently, Russia has its own significant experience in lawmaking and law enforcement. At the initial stage of improving the criminal law, it is necessary to build its system, which will determine the model of criminal law protection of certain public relations. The structure of the new criminal law should be based on clearly formulated elements of crimes based on the analysis of the signs of the object of criminal encroachment. It is the object of the crime that is the traditional basis of Russian criminal law. In this paper, the author studies the object of coercion to commit a transaction and, based on the studied theoretical and practical material, comes to the conclusion that public relations protected by Article 179 of the Criminal Code of the Russian Federation are not limited exclusively to economic activity, but may arise in other areas, including personal, family relationships. This allows us to conclude that it is necessary to formulate responsibility for forcing a transaction in other chapters of the criminal law.

Keywords: coercion, transaction, criminal liability, object of crime.

DOI: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2022\)2.5](https://doi.org/10.14258/ralj(2022)2.5)

Установление непосредственного объекта преступления имеет важное теоретическое и практическое значение, что обусловлено совокупностью факторов. Во-первых, является основанием для разграничения схожих деяний; во-вторых, позволяет установить характер и степень общественной опасности преступного посягательства; в-третьих, является необходимой предпосылкой правильной квалификации содеянного. Кроме того, вертикальное деление объектов преступления служит цели систематизации уголовного закона.

Ст. 179 Уголовного кодекса РФ, устанавливающая ответственность за принуждение к совершению сделки или отказу в ее совершении, является одним из наиболее сложных составов преступления в российском уголовном законе в части установления основного непосредственного объекта преступления. Объект преступного посягательства определяется местом расположения нормы в уголовном законе. Соответственно, в самом общем виде объект преступления, предусмотренного ст. 179 Уголовного кодекса РФ в действующей редакции, можно определить как общественные отношения в сфере экономической деятельности, возникающие в связи с выполнением требований режима правомерного и свободного владения, пользования и распоряжения имуществом, имущественными и неимущественными правами при совершении сделок.

Следует обратить внимание, что ст. 179 включена в первоначальную редакцию уголовного закона в 1996 г. и более чем за двадцатилетнюю историю серьезных изменений не претерпела. Изменения, внесенные Федеральными законами № 162-ФЗ от 08.12.2003, № 377-ФЗ от 27.12.2009, № 26-ФЗ от 07.03.2011 и № 420-ФЗ от 07.12.2011, касались исключительно санкций, без каких-либо корректировок содержания уголовно-правового запрета.

Основной непосредственный объект принуждения к совершению сделки или отказу в ее совершении в науке уголовного права определяется следующим образом:

- общественные отношения, складывающиеся в связи обеспечением правомерного и гарантированного Конституцией РФ осуществления экономической деятельности [1, с. 77];

- общественные отношения, возникающие в связи с практической реализацией принципа свободной конкуренции [2, с. 13];
- свобода в действиях граждан и юридических лиц, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, за исключением имущественных прав и обязанностей граждан [3, с. 26].

Однако не все ученые согласны с тем, что принуждение к совершению сделки или отказу в ее совершении относится к преступлениям в сфере экономической деятельности. Так, в частности И. А. Клепицкий, при установлении объекта принуждения к совершению сделки указывает что следует исходить из того, что не всякое принуждение к сделке связано с экономической деятельностью ее участников. В подтверждение своей позиции он приводит следующий пример: принуждение к отказу от иска в споре о детях юридически является односторонней сделкой, однако никакого отношения к экономической деятельности, очевидно, не имеет. В связи с изложенным, принуждение к совершению сделки или отказу в ее совершении следует отнести к преступлениям против личности [4]. В. В. Хилjuta также критикует размещение состава принуждения к совершению сделки или отказу в ее совершении в главе 22 Уголовного кодекса РФ и предлагает определить местонахождение подобного запрета в главе о преступлениях против порядка управления [5, с. 49].

Определение непосредственного объекта принуждения к совершению сделки или отказу в ее совершении, по нашему мнению, следует рассматривать в двух аспектах. Первый — в соответствии с действующей редакцией уголовного закона. В этом случае правы те авторы, которые рассматривают в качестве непосредственного объекта общественные отношения, возникающие в связи с участием в экономической деятельности и реализацией различных прав в этой области, в первую очередь права на свободу в заключении договора, в частности, и свободную экономическую, в том числе предпринимательскую деятельность, в целом. Второй аспект определения непосредственного объекта рассматриваемого преступления обусловлен содержанием уголовно-правового запрета. Исходя из содержания уголовно-правового запрета мы пришли к выводу о необходимости установления запрета на принуждение к совершению сделки или отказу в ее совершении в разделе об ответственности за преступления против личности.

Указанный вывод основан на следующем. Содержание уголовно-правового запрета определяется понятием «сделка», которое относится к цивилистическим терминам. Поэтому обратимся к нормам гражданского законодательства в широком его понимании. Понятие сделки содержится в ст. 153 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которой сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В п. 50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что по смыслу указанной нормы при решении вопроса о правовой квалификации действий участника (участников) гражданского оборота в качестве сделки для целей применения правил о недействительности сделок следует учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки).

Из перечня субъектов, имеющих право совершить сделку, исключены публично-правовые образования, что вполне справедливо критикуется в юридической литературе [7, с. 92]. В этой связи участниками сделки могут быть исключительно физические и юридические лица. Следовательно, понуждение уполномоченного лица публично-правового образования к совершению действий, в результате которых могут возникнуть, прекратиться или измениться гражданские правоотношения, не могут быть квалифицированы по ст. 179 Уголовного кодекса РФ.

В науках цивилистического цикла справедливо указывается, что волеизъявление — это и есть собственно сделка, т. е. целенаправленное действие: по выражению, закреплению и засвидетельствованию условий, определенных теми, кто уже участвует в отношении, по доведению условий до сведения лиц, имеющих интерес (мотивацию) совершить действие на условиях, выработанных субъектом волеизъявления [6, с. 116]. Именно волеизъявление — основная, сущностная характеристика сделки. Также, полагаем, сделке присущи дополнительно следующие признаки: волеизъявление лица име-

ет цель и влечет возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений; оно оформлено определенным образом либо совершено в форме конклюдентных действий. Таким образом, именно волеизъявление является сущностным признаком сделки. Волеизъявление лица на совершение либо на несвершение каких-либо действий должно быть свободно и обусловлено только его собственной волей. Указанное следует из положений главы второй Конституции РФ, определяющей права гражданина.

Термин «сделка» употребляется не только в Гражданском кодексе РФ, но в иных нормативных актах. В частности, в ст. 61.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», устанавливающей порядок оспаривания сделок должника при банкротстве. Понятие сделки в этом случае рассматривается значительно шире, нежели в общих нормах гражданского права. Так, в соответствии с п. 19 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021) по смыслу ст. 61.1 Закона о банкротстве перечень юридических действий, которые могут быть оспорены в рамках дела о банкротстве, не ограничен исключительно понятием «сделки», предусмотренным ст. 153 Гражданского кодекса РФ. К числу подобных фактов могут быть отнесены действия, направленные на исполнение любых обязательств должника; совершенные третьими лицами сделки за счет должника; ненормативные правовые акты, оформляющие сделки по отчуждению имущества или прекращению имущественных прав должника (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2008 г. № 10984/08) и проч.

Таким образом, в гражданском праве в категорию «сделка» включаются не только классические действия, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, но и иные фактические действия, которые порождают последствия, как правило, имущественные.

В юридической литературе высказано мнение, что в призме целей, задач и принципов уголовного права для конструирования уголовно-правового запрета понятие «сделка» в развернутом понимании его цивилистического содержания востребовано быть не может. Термин «сделка» необходимо заменить на понятие «юридически значимые действия», под которыми следует понимать действия, влекущие возникновение, прекращение или изменение прав и обязанностей, а также юридических фактов [8, с. 18]. Представляется, подобные изменения в уголовном законе не требуются в связи с тем, что в понятие «сделка» в настоящее время входят и иные юридически значимые действия, что исключает необходимость изменения законодательных формулировок в Уголовном кодексе РФ.

В уголовном праве мы видим аналогичную тенденцию к расширенному пониманию сделки. Так, в ст. 174 и ст. 174.1 Уголовного кодекса РФ к сделкам отнесены и финансовые операции, под которыми следует понимать любые операции с денежными средствами, в том числе наличные и безналичные расчеты, кассовые операции, перевод или размен денежных средств, обмен одной валюты на другую и т. п. (п. 6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»). Вывод о том, что финансовые операции отнесены к одному из видов сделок, мы делаем исходя из буквального прочтения диспозиции ст. 174 и ст. 174.1 Уголовного кодекса РФ, в которой прямо указано, что преступными являются финансовые операции и иные сделки, совершенные в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом.

Следующим шагом в установлении объекта рассматриваемого преступления является определение характера правоотношений, которые они порождают. Сделки как основание возникновения, изменения или прекращения правоотношений существуют не только в гражданском, но и в семейном праве и касаются не только имущественных прав участников таких правоотношений, но и неимущественных прав, например, соглашение супругов об определении порядка общения с несовершеннолетним ребенком.

Более того, поскольку личные неимущественные отношения преобладают в сфере семейного права, что обусловлено социальным назначением его норм, большинство соглашений, заключаемых между членами семьи, относится по своей природе к личным неимущественным [9, с. 134]. Личные семейные отношения лежат за пределами экономической деятельности, что, по нашему мнению, ис-

ключает квалификацию принуждения к совершению подобной сделки по ст. 179 Уголовного кодекса РФ.

В современной правовой науке выделяется отдельная категория трудовправовых сделок, к которым, например, относят заключение трудового и коллективного договоров, соглашения, изменение их условий, временные и постоянные переводы, совмещение должностей, расширение зон обслуживания, сверхурочные работы, соглашения в рамках коллективного трудового спора [10, с. 57].

Сделки могут иметь и процессуальный характер. К таковым можно отнести соглашения, заключаемые при примирении сторон в уголовном деле. Фактический состав, характерный для сделки, в данном случае присутствует, однако к гражданско-правовым сделкам подобное соглашение отнесено быть не может.

Таким образом, понятие «сделки» не относится исключительно к гражданско-правовым категориям, может быть применимо и в других отраслях права. Совершаются сделки не только в сфере экономической деятельности, даже в максимально широком ее понимании, но и в иных областях жизнедеятельности.

На основании вышеизложенного представляется, что действующая редакция уголовного закона в части размещения нормы об ответственности за принуждение к совершению сделки или отказу в ее совершении в главе, устанавливающей ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, привела к существенному ограничению данной нормы.

По нашему мнению, при установлении ответственности за принуждение к совершению сделки или отказу в ее совершении необходимо исходить из изложенного выше положения, что сделка — это в первую очередь волеизъявление. При принуждении к ее заключению не может реализовываться одно из основных естественных прав — право на свободу. Под свободой в данном случае мы понимаем возможность делать то, что не противоречит законодательству и не нарушает определенные правила, установленные в обществе. Права и свободы исходя из смысла конституционных норм не требуют для своего осуществления дополнительной законодательной регламентации. Доктрина прав и свобод изначально основана на теории естественного права, которая исходит из существования неотчуждаемых естественных прав человека, которыми он обладает в силу того, что рожден человеком [11, с. 76].

Итак, полагаем, что основной непосредственный объект принуждения к совершению сделки или отказу в ее совершении необходимо определять исходя из неотъемлемого конституционного права человека на свободу, в том числе на свободу в заключении сделки. Указанное предполагает, что статья уголовного закона об ответственности за принуждение к заключению сделки или отказу в ее совершении должна находиться в главе о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Устинова Т. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 440 с.
2. Хакулов М. Х. Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 28 с.
3. Гладких В. И. Некоторые проблемы квалификации принуждения к совершению сделки или отказу в ее совершении // Безопасность бизнеса. 2014. № 2. С. 25–30.
4. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений // Справочно-правовая система Консультант Плюс.
5. Хилjuta В. В. Всегда ли преступно принуждение к совершению сделки? // Законность. 2013. № 2. С. 48–49.
6. Подузова Е. Б. Квалификация договора в российской и англосаксонской правовых семьях // Lex russica. 2016. № 9. С. 114–128.
7. Долинская В. В. Понятие и классификации юридических фактов: очерк систематизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 91–103.
8. Арямов А. А., Кривов А. В., Руева Е. О. Межотраслевая корреспондируемость: проблемы законодательной техники в уголовном праве // Российский следователь. 2021. № 6. С. 17–20.

9. Летова Н. В. Особенности регулирования сделок в сфере семейных отношений // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 6. С. 134–149.
10. Агашев Д. В. О проблеме формирования института сделок в трудовом праве России // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 2 (4). С. 55–66.
11. Лукашева Е. А. Права человека и принципы глобализации современного мира. М., 2007. 462 с.

УДК 347.78
ББК 67.404.3

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧУЖИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ АККАУНТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Д. В. Пятков

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

М. Д. Пяткова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

А. А. Серебряков

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с использованием объектов авторских прав в интернете. Одним из широко распространенных способов использования произведений является его размещение или его фрагмента в профиле пользователя, например социальной сети, в качестве аватара. Отсутствие в отечественном законодательстве соответствующей терминологии, различные подходы в научной литературе к определению ключевых понятий, скупая правоприменительная практика затрудняют юридическую квалификацию складывающихся правоотношений в исследуемой сфере. Авторы в результате проведенного анализа нормативно-правового массива, литературы и судебных актов предлагают рассматривать включение в аватар чужого произведения, охраняемого авторским правом, в качестве одного из способов свободного использования произведений при соблюдении условий, предусмотренных ст. 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: произведение; аватар, авторское право, свободное использование, интеллектуальная собственность, исключительное право, доведение до всеобщего сведения.

LEGAL PROBLEMS OF USING ANOTHER WORKS OF ART FOR REGISTRATION OF ACCOUNT IN SOCIAL NETWORKS

D. V. Pyatkov

Altai State University (Barnaul, Russia)

M. D. Pyatkova

Altai State University (Barnaul, Russia)

A. A. Serebryakov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article deals with topical issues related to the use of copyright objects on the Internet. One of the widely used ways of using works is to place a work or a fragment of it in a user's profile, for example, a social network, as an avatar. The lack of appropriate terminology in the domestic legislation, different approaches